

Политическая коммуникастика

УДК-32

АНАЛИЗ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В КОНЦЕПЦИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

А.С.Юферева¹

Статья посвящена всестороннему изучению феномена политической коммуникации, представленного в различных концепциях информационного общества. Ретроспективный анализ значительного массива академических статей и монографий зарубежных авторов позволил иначе подойти к оценке футурологических представлений о растущем значении составных элементов политической коммуникации – информации и теоретический знаний, как неотъемлемых компонентов социального прогресса. Особое внимание уделяется осмыслению обозначенных специалистами проблем адаптации государственных структур к трансформациям в социо-технологической области, которые остаются актуальными и в нынешнее время.

Ключевые слова: политическая коммуникация; концепции информационного общества; новые информационные технологии.

На протяжении нескольких последних десятилетий отмечается существенное изменение структуры нашего общества за счет интенсивного развития информационной сферы. Началом подобных трансформаций послужила информационно-технологическая революция конца XX столетия. Став следствием высоких достижений в области академической науки и передовых технологий, данный феномен спровоцировал появление различных методологических концепций, в которых утверждается мысль об объективных преобразованиях во всех областях жизненного уклада под влиянием информации, знаний и новых информационных технологий. С целью содержательного обоснования ключевой роли перечисленных компонентов, теории стали предпринимать попытки в изучении количественных и качественных характеристик информационных процессов через призму экономического, социального, культурного контекстов. Невзирая на разницу в научно-

---

¹ Юферева Анастасия Сергеевна – аспирант Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, ассистент кафедры Интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга ИГУП УрФУ. Email: yufereva001@mail.ru.

© Юферева А.С., 2016

исследовательских методах, общим для этих подходов является стремление зафиксировать принципиально новое состояние общества, которое в зарубежной и отечественной литературе закрепилось за концепциями «постиндустриальное общество», «информационное общество». В первом случае речь идет о новой глобальной методологической парадигме, охватывающей общие социоэкономические вопросы и акцентирующей внимание на постепенной потере индустриальным сектором своей ведущей роли в связи с возрастающей технологизацией, растущим влиянием науки [11]. Во втором – подчеркивается процесс количественного приращения информации и знаний в различных областях, что, в свою очередь, призвано предопределить направления для дальнейших социальных перемен.

В настоящей работе представляется логичным обращение к концепции «информационное общество», поскольку в ней раскрывается значимость информации, которая считается неотъемлемым компонентом политической коммуникации. Концепция «постиндустриального общества» отражает более широкий спектр экономических, социальных, культурных «сдвигов», уделяя коммуникационному концепту опосредованное внимание. Хотя есть специалисты [1], в исследовательском фокусе которых постиндустриальный и информационный типы общества мыслятся как синонимичные понятия.

Ведущий социолог Д. Белл по праву считается основоположником концепции постиндустриального (информационного) общества, основу которой составили принципы новой социальной организации. Ученый выстраивает логику своих рассуждений в соответствии с положениями, взятыми из политологических, социальных, экономических направлений XX в. Синтезируя идеи разных областей знания, в научных изысканиях Д. Белла фигурирует модель общественного производства, позволяющая демаркировать взаимосвязанные секторы. Первый сектор – доиндустриальный – базируется на добывающих видах хозяйственной деятельности и в целом определяется как взаимодействие человека с природой. Второй – индустриальный – образуется в случае использования энергии машинной технологии для массового производства товаров и подразумевает взаимодействие людей с искусственной природой. Базис третьего сектора – постиндустриального – составляет деятельность, связанная со сбором, обработкой информации; социальная организация выстраивается по принципу взаимодействия людей.

Проводя нить своих размышлений через призму обозначенной трехсекторной модели, социолог предвидит уменьшение значимости материального производства и интенсивный рост сектора услуг и информации, изменившийся характер человеческой деятельности, существенную модификацию ресурсов, вовлекаемых в производство. В своих трудах Д. Белл, глубоко осмысливая стоящие перед обществом проблемы, видит будущее за третичным постиндустриальным сектором, вокруг которого «будут организованы новые технологии, экономический рост и социальная стратификация» [1]. При этом

постиндустриальное общество рассматривается преимущественно «как эволюционный процесс, в результате которого индустриальный мир не разрушается, а скорее обогащается дополнительными чертами и свойствами» [1]. По этой причине концепция «постиндустриальное общество» предстает в виде аналитической конструкции, в которую инкорпорированы разнообразные сведения и наблюдения, позволяющие составить определенное представление об этапе промежуточного (переходного) становления общества нового порядка, но не об окончательно выстроенном социальном строе.

В постиндустриальном обществе кардинальной трансформации подвергаются классовые и социальные позиции, что объясняется их тесной взаимосвязью с теоретическими знаниями, которые получили преобладающее влияние. Учитывая структурное перемещение компонентов из различных областей жизнедеятельности, обратимся к анализу «коммуникационной перестройки», имеющей отношение к конкретной области – политической.

Один из ключевых моментов связан с перестановкой сил влияния на политическом уровне по причине увеличивающегося числа представителей интеллектуального класса, обладающих знанием как основной предпосылкой всякой организационной деятельности. Консультанты, эксперты или технократы могут занять главенствующую роль в процессе функционирования политической коммуникации, отмечал Д. Белл, за счет распространения конкретных идей о научных нововведениях, влияющих на формирование общественного мнения и политических предпочтений в том числе. Одновременно с этим возникновение на политической арене профессиональной интеллигенции порождает трудности «в сфере управления, с которыми сталкивается политическая система. <...> Поскольку постиндустриальное общество повышает важность технического компонента знаний, оно заставляет жрецов нового строя — ученых, инженеров, технократов — конкурировать с политиками или становиться их союзниками. Взаимоотношение между общественной структурой и политическим порядком превращается тем самым в одну из главных проблем власти в постиндустриальном обществе» [1]. Тем не менее, продолжает Д. Белл, независимо от природы социальных процессов и возникающих в ней противоречий, ответственность за траекторию развития общества по-прежнему закреплена за политической сферой. В конечном итоге, несмотря на расширение влияния других измерений, власть по-прежнему находится в руках политиков, а не экспертов или технократов, невзирая на их ключевое, но далеко не доминирующее положение: «Постольку, поскольку политические вопросы все теснее переплетаются с техническими проблемами (в широких пределах – от военной технологии до экономической политики), «элита знания» может ставить проблемы, инициировать новые вопросы и предлагать технические решения для возможных ответов, но она не обладает властью сказать «да» или «нет». Последнее является прерогативой политиков, но не ученых или экономистов. В этой связи крайне преувеличенной

представляется идея о том, что «элита знания» может стать новой элитой власти» [1].

Изучив проблему управления в политическом измерении на фоне постоянного приращения знаний и представителей класса интеллектуальных специалистов, этими знаниями обладающих, сосредоточимся на осмыслении вопроса эффективного использования электронных средств связи как одного из каналов политической коммуникации. Стоит начать с того, что изменение коммуникационных структур государства было спровоцировано наращиванием объемов знаний, которые служили источником нововведений в технической и социальной сферах. Ярким примером отражения интеллектуального потенциала в материальном предмете могут выступать новые электронные средства связи, которые изменили представление о функционировании коммуникации за счет нивелирования пространственно-временных ограничений, оптимизации процесса обмена сообщениями между политическими акторами, внедрения новых методов взаимодействия. Распространение передовых технологий неминуемо сказалось на пересмотре прежних способов принятия решений, поскольку оперативное получение и обработка информации позволили иначе выстраивать коммуникационные взаимодействия, упрощать многие процессы за счет введения принципа гибкости. Д. Белл стал одним из первых, кто выделил перспективы применения компьютерных технологий в качестве канала коммуникации: «По мере того как компьютеры все шире используются в коммуникационных сетях в качестве коммутирующих систем, а средства электронной коммуникации становятся неотъемлемыми элементами в компьютерной обработке данных, различия между обработкой информации и коммуникацией исчезают» [1]. Однако качественное приращение новых типов взаимодействия повлекло за собой отсутствие сбалансированности между расширяющейся технической и социальной системами. Речь идет о том, что принимаемые решения в области политики во многом не учитывают особенности столь разнородных, но взаимообусловленных систем, что ведет к снижению эффективности функционирования политической коммуникации, исходящей от управленческого аппарата. Поскольку причиной затруднения подобных изменений выступает существование бюрократической модели, то решением этой проблемы может стать введение децентрализованных форм контроля и учет в данном процессе технологической и социальной логики.

Американский социолог Э. Тоффлер, которого часто ставят в один ряд с ведущими специалистами информационного общества, внес неоценимый вклад в формирование понимания переломного пункта в истории, случившегося в середине XX в. В главных книгах футуролога – «Шок будущего» (1970), «Третья волна» (1980); «Метаморфозы власти» (1990) – демонстрируется процесс изменения отдельно взятых институций и социума в целом под воздействием сменяемости стадий общественного развития вследствие социо-технологических трансформаций. Так же как и в предыдущем рассмат-

риваемом нами подходе, Э. Тоффлер использует принцип демаркации человеческой цивилизации, выразив его в запоминающейся метафоре: мир постепенно формируется тремя волнами технологических революций, которые, как высокий прилив, нельзя остановить. На смену первой волне (аграрной цивилизации) и второй (индустриальной цивилизации) приходит новая, которая ведет к созданию супериндустриальной цивилизации. Она основана на передовой технологии, постматериалистической системе ценностей, отодвигает границы стандартизации и централизации, что порождает при этом глобальные социальные проблемы и противоречия [8].

В одном из трудов – «Метаморфозы власти» – осмысляются последствия качественных преобразований в различных областях жизненного уклада под влиянием выстраиваемой электронной инфраструктуры, сочетающей компьютерные сети и гибкие технологии. Э. Тоффлер, как и Д. Белл, настаивает на утверждении о том, что в таком обществе на первый план выходят сфера услуг, наука и образование. Корпорации должны уступить место университетам, а бизнесмены – ученым.

Однако основная тема книги посвящена не столько информационной революции, а сколько проблеме власти, которая претерпевает необратимые изменения. Власть, ранее скрепляющая мир, дезинтегрируется, что ведет к ослаблению прежних рычагов влияния на общество. Происходит это главным образом по причине «перестройки» фундамента власти, который теперь составляют знания. Современная структура власти, как пишет Э. Тоффлер, зиждется уже не на мускульной силе, богатстве или насилии. Ее пароль – интеллект [7]. Методы борьбы за власть так же претерпели кардинальные изменения, потому как эффективность их в значительной степени определяется качественными характеристиками коммуникационных процессов – мгновенностью связи, распространением данных, идей, символов. «Власть изменилась, ушла от старой иерархии, создавая гораздо более подвижную, разнородную систему с постоянно меняющимися центрами власти. Новые коммуникационные технологии также подрывают иерархии в правительстве, поскольку предоставляют возможность полностью обходиться без них» [7].

Примечательно, что теоретик не оперирует понятием «Интернет», хотя в данном исследовании (впрочем, как и в других его работах), постоянно возникают фрагменты, которые по своей смысловой нагрузке сопоставимы с технологиями, сервисами и формами социальной организации, успешно реализуемыми сегодня в пределах Интернет-инфраструктуры [2]. Например, следствием появления нелинейных и децентрализованных компонентов, повсеместного внедрения новых информационных технологий допустимо считать концептуализацию взаимодействий малых групп, которые начинают стремительно заполнять политическую арену и коммуницировать между собой. «Фактически мы стремительно входим в новый этап политической жизни, который можно было бы назвать «временем возможностей» для решаю-

щих меньшинств. Это обеспечивает ответственность в принятии решений и приводит к образованию неформальных организационных единиц, а те все больше разрушают правительство, конкурируя с официальной бюрократией и истощая ее» [7]. Другой описываемый Э. Тоффлером феномен, ставший неотъемлемой чертой современного виртуального пространства, имеет отношение к информационным войнам, которые охватывают и изменяют различные формы организации отношений, вплоть до межгосударственного взаимодействия. В таких условиях принципиально важным становится достижение и сохранение статуса высокой конкурентоспособности за счет перестройки организационных структур, введения принципов гибкости, мобильности, интерактивности, перманентной взаимосвязи. Обозначенные принципы не только подразумевают необходимость в пересмотре способов, посредством которых осуществляется процесс обмена сообщениями, но и воздействуют на модификацию восприятия человеком окружающего мира.

В другой своей книге «Футурошок» американский социолог, описывая последствия влияния произошедших социально-технологических изменений на психику людей, вводит в понятийно-категориальный аппарат новый термин – «футурошок». Он означает «стресс и дезорганизацию, которые возникают у людей, подверженных слишком большому количеству перемен за слишком короткий срок» [9]. Для того чтобы предотвратить возникновение футурошока, требуется внедрять новые технологии постепенно. По мнению Э. Тоффлера, очень скоро возникнут «принципиальные различия между обществами, которые подходят к технологическому развитию избирательно, и теми, которые хватаются за первую попавшуюся возможность» [9]. Осуществление контроля за техническим прогрессом есть процесс многоплановый, требующий введения социальных и политических мер, направленных на изучение полезности новых средств связи и предотвращение проникновения нежелательных инноваций в социум.

Различные аспекты постиндустриализма изложены видным политологом З. Бжезинским в работе «Между двух веков. Роль Америки в технотронную эру». Обосновывая основные положения своей концепции, теоретик утверждает, что постиндустриальное общество приобретает статус технотронного за счет того, что оно «в культурном, психологическом, социальном и экономическом отношениях формируется под воздействием техники и электроники, особенно развитой в области компьютеров и коммуникаций» [12]. Возникший технологический симбиоз приводит к образованию антагонистических противоречий в социальной сфере. Воздействие электронных средств связи становится причиной низвержения традиционных связей и порождения фрагментированной реальности, нас окружающей, с одной стороны, и формированием тенденций к глобальному видению мира – с другой. Речь идет о столкновении двух типов реальности, одна из которых следует принципу

«здесь и сейчас», а вторая действует в глобальных масштабах, поглощая и вовлекая индивидов независимо от их желания.

Появление феномена раздвоенной реальности не произошло бы без появления новых информационных технологий: «Изменения, вызванные коммуникациями и компьютерами, чрезвычайно содействуют связанности общества, члены которого пребывают в непрерывных и тесных слуховизуальных контактах, постоянно взаимодействуя, соучаствуя в наиболее напряженных социальных испытаниях, и их легко можно подтолкнуть к усилению личного подключения к решению даже весьма отдаленных проблем. Новое поколение не занимается более определением мира, опираясь исключительно на чтение; $\leq \dots \geq$ оно испытывает мир и ощущает его компенсаторно с помощью слуховизуальных коммуникаций» [12]. Результатом переноса центра тяжести на слуховизуальный способ восприятия мира создают новую картину мира, основу которой составляют чувства и потребности, а не цели, лежащие в основе политических программ и движений [11, 147]. Технотронная революция транслируется медиа по всему миру, что, в свою очередь, позволяет говорить о ее воздействии в планетарном масштабе. Столь широкий охват приводит к следующим последствиям: появлению массовой культуры, преобладанию идеологизированного стиля жизни и прочее.

Представления З. Бжезинского во многом близки подходу американских футурологов Дж. Нэбитта и П. Эбурдин о влиянии новых информационных технологий на политику. В их труде начала XXI в. акцентируется внимание на внушительном потенциале телекоммуникаций, которые совместно с компьютерами, породили серию перемен в общественной жизни. Авторы, видя в технологиях большой потенциал, сопоставляют их с обрабатывающей отраслью в период промышленного развития по части общности масштабов влияния: «Компьютерные технологии стали для информационного века тем же, чем была механизация промышленной революции» [10, 16]. Телекоммуникации, власть которых распространилась по всему миру, участвуют в формировании единой инфосферы, позволяющей унифицировать разнообразные компоненты (текст, аудио- видеоконтент) для последующей их циркуляции в широких пределах.

Предвосхищая блестящие перспективы новой эры глобализации, наблюдается уверенность ученых в возможности электронных средств связи ограничивать власть политических лидеров за счет беспрепятственного распространения информации. С их точки зрения, «в век, когда телевидение стало мировой системой, правительствам стало довольно трудно проводить «свободные выборы», а потом вновь возвращаться к старой политике... В условиях, когда компьютер расширил могущество личности, граждане могут более эффективно следить за действиями своих правительств, нежели правительства могут следить за действиями граждан» [16, 347]. В качестве аргументов, подкрепляющих эти выводы, Дж. Нэбитт и П. Эбурдин приводят

примеры падения шахского режима в Ираке или победы «Солидарности» в Польше, которые произошли после того, как «подпольно широко распространялись запрещенные кассеты в поддержку этих движений» [10, 16]. Таким образом, они настаивают на том, что информационные технологии приводят к исключительному упрочению демократических структур общества и ослаблению влияния государств с авторитарной формой правления.

Крупный теоретик М. Кастельс посвятил феномену информационного общества многочисленные труды. В трилогии «Информационная эпоха: экономика, общество, культура» нас интересуют рассуждения автора о коррекции содержания социального ландшафта, об интенсивном формировании материальной основы за счет распространения новых информационных технологий. При этом вопрос взаимодействия социальной и технологической среды у М. Кастельса относится к числу центральных в его работе. Он считает, что возникающие социальные формы и процессы не есть следствие технологических изменений: «...технология не предопределяет развитие общества. Но и общество не предписывает курс технологических изменений, ибо в процесс научных открытий, технологической инновации и ее социальных применений вмешиваются многие факторы, включая индивидуальную изобретательность и предпринимательский дух, так что конечный результат зависит от сложной структуры их взаимодействий [13]. Приведенный вывод, на наш взгляд, представляется принципиально важным по той причине, что социолог конструирует методологическую базу своего исследования исключительно за пределами концепции технологического детерминизма, как мы это наблюдали в предыдущих подходах (З. Бжезинский, Дж. Нэсбитт и так далее).

В поле зрения ученого оказывается не вездесущая власть технологий, а становление особой социальной структуры – сетевого общества, которое проявляется в разных формах в зависимости от институций и принадлежности к культуре. Отличительной чертой общества данного типа является его взаимосвязь с новым способом развития – информационализмом, подразумевающим не статичное наличие информации, а динамичный процесс воздействия знания на знания, что допустимо считать главным источником производительности. Таким образом, нынешние преобразования в социуме характеризуются генерированием знаний и их использованием в прикладном плане, что составляет необходимую основу для функционирования социальных организаций.

Результатом практического использования знаний допустимо считать появление в последней четверти XX в. глобальной сети, которая спустя время связала между собой значительное количество других сетей и, превратившись в целостную устойчивую систему, выступила причиной организации социальных взаимодействий. Данная система – это не просто инструмент, который подлежит использованию, но процесс, который поддается

разработке: «К середине 1990-х гг. правительства и компании всего мира включились в бешеную гонку, чтобы занять позиции в формировании новой системы, которая рассматривалась как орудие власти, потенциальный источник гигантских прибылей и символ суперсовременности» [13].

В анализируемых М. Кастельсом аспектах изменившегося социального уклада специфика новых информационных технологий мыслится как проникновение во все области человеческой деятельности не в качестве внешнего источника воздействий, но в качестве ткани, в которую такая деятельность вплетена. В частности, ядром трансформации оказываются процессы коммуникации, которые революционизировали под влиянием новой электронной системы, отличительными чертами которой являются ее глобальный охват, объединение всех средств передачи информации и потенциальная интерактивность, изменяющая нашу культуру [3].

Экстраполируя ряд перечисленных тенденций на область политического, следует сказать о появлении новых способов коммуникации, которые опираются на сетевые технологии и становятся доступными для неограниченного круга лиц. В свое время новыми способами для обсуждения политических вопросов сумели воспользоваться сетевые сообщества, организовав с их помощью свою деятельность по всей планете. Игнорирование при этом географических и временных препятствий, а также вертикальных каналов связи, обеспечило многонаправленный обмен информацией. Однако, всесторонне анализируя особенности электронной системы коммуникации, М. Кастельс в книге «Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе» приходит к выводу о невозможности данной системы быть единственным источником видоизменения человеческой деятельности. Поскольку, вступая в непосредственное взаимодействие с электронной системой для «выполнения своих собственных дел, мы изменяем и саму эту систему» [13]. Отсюда вывод о взаимовлиянии социальных и технологических измерений. Выделенная закономерность подтверждается тем, что Интернет как материальная (или технологическая) основа используется «для вовлечения таких движений (виртуальных сообществ – Прим. автора) в процесс создания нового общества. Однако при этом они видоизменяют сам Интернет: из орудия организации бизнеса и средства коммуникации он превращается также в рычаг общественных преобразований» [13]. Отсюда следует заключение М. Кастельса о том, что инфраструктуру Интернета составляют как телекоммуникационные и компьютерные технологии, так и социальные движения, которые поддерживают ее существование посредством реализации различных коммуникативных форм.

Взаимодействие социального контекста с технологической системой, имеющей свою собственную встроенную сетевую логику, сопровождается определенным комплексом проблем. Во-первых, конструирование новой технологической платформы и адаптация к ней могут обернуться институ-

циональным кризисом в различных областях жизненного уклада, в политике в том числе. Выходом из сложившегося положения может стать перестройка институтов управления и демократии, а также их адаптация к условиям надвигающегося сетевого общества. Во-вторых, Интернет, как коммуникационная основа сетевого общества может оказаться в чьей-то собственности. Отсюда следует, что вся инфраструктура может стать объектом контроля. Третья проблема, особенно релевантная для области политики, связана с «цифровым неравенством» между гражданами. «Такая сегрегация происходит различными путями и по различным причинам: из-за отсутствия технической инфраструктуры; вследствие экономических или институциональных препятствий по доступу к сетям; нехватки образовательных и культурных возможностей для использования потенциала Интернета; недостатков в производстве сетевого контента» [13]. В результате - отсутствие у гражданина доступа в Интернет автоматически делает его политическим аутсайдером, поскольку он не своевременно получает информацию политического характера, принимает участие в голосованиях, обсуждениях острых вопросам и пр.

На основании проведенного анализа выделим ключевые моменты касательно осмысления политических аспектов, представленных в различных концепциях информационного общества.

В настоящей статье в приведенных нами подходах ярко демонстрируется одна из главных закономерностей, которая свойственна формирующемуся информационному обществу – количественное и качественное приращение информации, теоретических знаний и новых информационных технологий. Составляя основу тотальных преобразований в разнообразных областях жизненного уклада, перечисленным компонентам во взаимодействии со многими другими факторами (политическими, социальными, культурными и т.д.) суждено сыграть особую роль в перестановке сил влияния, появлении новых форм взаимодействия, изменении социальной стратификации и, что самое главное, зарождении сетевой организации общества. «Именно сети составляют новую социальную морфологию наших обществ, а распространение «сетевой» логики в значительной мере сказывается на ходе и результате процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью» [5].

Размышляя о феномене власти в нынешнюю информационную эпоху, специалисты (Д. Белл, Э. Тоффлер, М. Кастельс) констатируют, что приближающийся этап борьбы за власть и ее исход во многом предопределится степенью овладения нематериальным субстратом – знанием. «Ибо теперь уже несомненно, что знание, этот источник самой высокой власти, с каждой утекающей наносекундой приобретает все большее значение» [7]. В дополнении к этому, зарубежные футурологи прогнозируют качественные сдвиги в социальных стратификациях, а именно – смещение внимания на представителей интеллектуальной элиты, которые, обладая богатым интеллектуальным капи-

талом, могут манипулировать общественными процессами, направлять социум в определенном направлении и задавать тон политической коммуникации.

В проанализированных трудах Д. Белла, Э. Тоффлера и М. Кастельса утверждается мысль о том, что совсем иначе будет выстроен принцип обратной связи между представителями целевой аудитории. Теперь взаимодействие в электронной системе коммуникации проходит с участием представителей широких масс. Новые виды вовлеченности в обсуждение политических, социальных, экономических и других типов вопросов будет сопровождаться появлением совершенно иных способов и технологий принятия решений, что ведет к разрушению логики стандартизации и централизации.

Некоторые авторы склонны преувеличивать возможности новых информационных технологий в наблюдаемых социокультурных преобразованиях. В соответствии с изученными нами подходами (З. Бжезинский, Дж. Нэбитт) появление и повсеместное распространение средств связи в политическом измерении неминуемо скажется на изменении структуры данной области, что приведет к увеличению властных полномочий граждан в принятии ими политических решений. Однако, с нашей точки зрения, подобная приверженность технологическому детерминизму препятствует объективной оценке социальных причин и последствий. Соответственно, электронные средства связи, как и социальная среда, оказываются важными и неотъемлемыми в равной степени.

Библиографический список

1. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/1805599/> (дата обращения: 12.12.2015).
2. *Быков И. А.* Сетевая политическая коммуникация. СПб., 2013.
3. *Капра Ф.* Скрытые связи. М., 2004.
4. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/ (дата обращения: 02.11.2015).
5. *Кастельс М.* Becoming the network structures of the society. М., 1999.
6. *Нэбитт Дж., Эбурдин П.* Что нас ждет в 90-е годы: Мегатенденции. М., 1992.
7. *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000261/st005.shtml> (дата обращения: 15.11.2015).
8. *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 1997.
9. *Тоффлер Э.* Футурошок. СПб., 1997.
10. *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. М., 2004.

11. Чугунов А. В. Социальная информатика. СПб., 2012.
12. Brzezinski Zb. *Between Two Ages. America's Role in the Technetronic Era*. N. Y., 1970.
13. Castells M. *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society*. [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.ru/books?id=Q1Mo3ObWWgC&printsec=frontcover&dq=The+Internet+Galaxy&hl=ru&sa=X&ei=ysxQVardIojdywPK4IDYDQ&ved=0CBwQ6AEwAA#v=onepage&q=The%20Internet%20Galaxy&f=false> (дата обращения: 1.11.2015).

ANALYSIS OF UNDERSTANDING POLITICAL COMMUNICATION IN CONCEPTS OF THE INFORMATION SOCIETY

A.S.Yufereva

Postgraduate Student, Institute of Philosophy and Law of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg

The article is devoted to a comprehensive study of the phenomenon of political communication in the context of the information society. The research objective is to reveal different aspects of political communication presented in different approaches of foreign authors. For this purpose, information has been gathered from monographs, scientific articles, etc. The research focuses on the main elements of political communication – information and knowledge. Special attention is paid to the problem of adaptation of state institutions to transformations in the socio-technological sphere, which is one of the major issues in modern political science.

Keywords: political communication; concepts of the information society; new information technologies.

References:

1. Bell D. *The coming of post-industrial society: a venture in social forecasting*. Available at: <http://www.studfiles.ru/preview/1805599/> (accessed 12.12.2015). (In Rus.).
2. Bykov I.A. *Network political communication*. SPb., 2013. (In Rus.).
3. Capra F. *The hidden connections*. M., 2004. (In Rus.).
4. Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/ (accessed 02.11.2015). (In Rus.).
5. Castells M. *The rise of the network society*. M., 1999. (In Rus.).
6. Nesbitt. J, Eburdin P. *What awaits us in the 90s: Megatrends*. M., 1992. (In Rus.).

7. Toffler A. *Metamorphosis of power*. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000261/st005.shtml> (accessed 15.11.2015). (In Rus.).
8. Toffler A. *The Third Wave*. М., 1997. (In Rus.).
9. Toffler A. *Future Shock*. SPb., 1997. (In Rus.).
10. Webster F. *Theories of the information society*. М., 2004. (In Rus.).
11. Chugunov A.V. *Social Informatics*. SPb., 2012. (In Rus.).
12. Brzezinski Zb. *Between Two Ages. America's Role in the Technetronic Era*. N. Y., 1970. (In English).
13. Castells M. *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society*. Available it: <https://books.google.ru/books?id=Q1Mo3ObWWgC&printsec=frontcover&dq=The+Internet+Galaxy&hl=ru&sa=X&ei=ysxQVardIojdywPK4IDYDQ&ved=0CBwQ6AEwAA#v=onepage&q=The%20Internet%20Galaxy&f=false> (accessed 1.11.2015). (In English).